

Алексей Гурьянов

Родился в 1958 году в Риге.
Окончил ленинградскую 30 физико-
математическую школу. Учился в
педагогическом институте.

Первая книга стихотворений (1976-79).
Вторая книга стихотворений
(Монолог с мертвой птицей. 1980-82)

Из ПЕРВОЙ КНИГИ СТИХОТВОРЕНИЙ (1976-1979)

Из цикла НАДПИСИ. ЗИМНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ (1977)

х х х

На кончике карандаша
застывшая слезинка,
осенней утонченности
мелькают волоски.
Пишу карандашом,
а он не пишет.
Читаю по складам —
глаза не видят строчек.

х х х

Под диван закатилось последнее странное слово.
Вечерами сквозь сетку дождя улыбаются люди так редко.
Однокая ручка лежит на листе недописанной пьесы,
а хозяин ушел без плаща и вернется нескоро.

х х х

А если ночью голос ты услышишь,
чтоб взять Младенца, Мать Его и с Ними
бежать в Египет,
то останься дома.
Срок тридцать три не слишком ли короток,
пускай Бессмертный поживет подольше.

х х х

Косноязычным взглядом смерть Землю
и попросить недолгого приюта.
И, не расслышав ясных слов отказа,
поставить в угол узелок с вещами.

Из цикла ЭЛЛИС (1977)

х х х

Ветер. Улетает моя шляпа.

Ветер. Вслед за ней летит мой шарф.

Закружились нищенка и паперь,
мир в глазах и музыка в ушах.

Прозревая тайное сплетенье
ветра, утра, музыки и лиц,
я стою, а шляпа со ступенек
улетает до Другой Земли.

х х х

Тридцать третьего портвейна
ленинградский милый вкус.

Aх! Как хочется поверить
сигаретному дымку

Ты сидишь на плоском камне,
жилка бьется на виске.
Осторожными глотками
пьет мой дорогой аскет.

х х х

Переживаний благостных и тяжких
голубоватый дым.

Отсюда до смирительной рубашки
лишь два часа езды.

Отсюда до малинового пепла
автобус в синеве
Запляшут буквы. Вынь, и ослепнут
глаза на голове.

х х х

Монашенко

Девочка, немножечко вина.
Девочка, немножечко серьезней
расскажи мне, в чём твоя вина
перед миром с воздухом морозным.

В марте холодно последним холодањем.
Срок отпущен до весеннего утра,
чтоб разбить чужое изваянье
и над черепками поиграть.

Только вместе. И смеяться вместе.
И, не плача, поиграть в слова,
на лице Иисусовой Невесты
осторожно губы разорвав.

х х х

Коломбина ночью пляшет
и смеется ртом лиловым.
Черный лес улыбку ловит
и Пьеро зовет на чарку.
Зажигают ведьмы свечи.
Музыкант в мотив старинный
влил вина, добавив яду.

А Пьеро на пламя смотрит
и лица не заслоняет.
Лес хохрчет. Клоун плачет.
Коломбина пляшет, пляшет.

Из цикла СТИХОТВОРЕНИЯ МОСКВА МАРТ 1979

х х х

Качается земля,
стихают голоса,
меня ласкает
колеблемая ветром занавеска.

х х х

Посыпаю косые аллеи
расставания желтым песком.
Сад мой пуст. Верно, скоро
здесь начнется последняя осень.
Ночью чудится мне,
кто-то ходит по темному саду,
Но, проснувшись, я вижу —
нетронут
на аллеях печальный песок.

ЭПИТЕТЫ

1

Какое неслучайное занятие...
Я листья сосчитаю, что остались
на детских ветках.
Этот куст горящий я вижу по утрам.
Мгновенно, ярко...

2

И с томиком "благоуханной" прозы
я примощусь на синем одеяле,
затылок прислоню к холодным прутьям
моей кровати.
Я снова стану болен...

3

О боль-болезнь высоких слов...
На этом влажном и внезапном небе,
которое глазам не больно даже в праздник,
я прочитало...

4

После фильма по любимой книжке
с седьмым писателем пройдусь под руку
и расскажу, что прочитал в последней странной фразе,
какой была негаснущая осень
тогда, в прошедшем добром веке.

5

Я полюблю эпитеты и странно
мне будет видеть голые слова,
в которых режущий колючий ветер
вдруг засвистит...

6

Беда, беда

ПРИХОД ЗИМЫ /КАРТИНКИ НА ШЕЛКЕ/

Книга лежит на зеленом столе.
Птице с земли не подняться - ей лень.

Книгу давно не листает монах.
Птица боится небес полотна.

Книга пылится - старится птица.
Под листопадом желтеет страница.

Небо сереет - запил монах.
В келье бутыли - в небе война.

Из цикла ОКНО. ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1977-1979

СТАРЫЙ ЕВРЕЙ С МАЛЬЧИКОМ

Легки бамбуковые пальцы,
всю плоть свою оставив
на камнях дорог земных,
они готовы к встрече с небом.
Но кто проложит след ребенку
кто яблоко ему добудет
и истиной укроет плечи?
Без посоха двумя ступнями
измерит мир?

ПЕСЕНКИ КУКОЛ ДЛЯ СПЕКТАКЛЯ "БАЛАГАНЧИК". З. СЕРЬЕЗНАЯ

Тонкая веточка жизни,
тонкая линия дня,
не заплакав, скажите,
что ожидает меня?

Тянут предлипные нити,
не зажигают огня,
мрачные девы, скажите,
что ожидает меня?

В переплетенье событий
просто - себя изменять,
звездные знаки, скажите,
что ожидает меня?

Слезы случайные вытер
и опустился у пня,
добрые люди, скажите,
что ожидает меня?

х х х

По полкам книжным
скрипичный звук скользит...
Отъезд друзей моих.

Из ВТОРОЙ КНИГИ СТИХОТВОРЕНИЙ

МОНОЛОГ С МЕРТВОЙ ПТИЦЕЙ (1980-1982)

х х х

Забили улицу гвоздями
И церковь юную снесли,
А тех, что тешились груздями,
На правый бой поволокли.

Не варят жены сбитень пенный,
Не рвут смородного листа,
А мужички - горят в геенне
По слову доброго Христа.

Убийцы и прелюбодеи,
Не каясь, ходят по земле,
А выше всех - больные дети
Сидят на Божием крыле.

РЕКВИЕМ БЕГУЩЕМУ

Промчались дни мои, как бы олений
Косящий бег...

Ф.Петrarка. Пер. О.Мандельштама

...как будто и мертвый продолжал он бежать
Л.Андреев

Я молод, глуп и невиновен,
Я не алкал ребячьеи крови,
Младенцев я не бил об угол,
Не лобызал злодея в губы.
Не утолить мне боли ващей,
Постыл мой подвиг карандашный,
Мне за броней моей бумагой
О Боже мой, куда как страшно...

Поэт

Ах, как учился ты взлетать
На цыпочки у шпилей!
Ты жизнь свою сыграл с листа,
Немолчно кланялся крестам,
И кровь бежала по листам,
Покрытым пылью.

Эй, позови меня к себе,
Разбойничку под нож,
На неторжественный обед,
На дедово вино.

На потом пахнущий обряд
Возьми меня с собой,
Глядеть, как топчут все подряд,
Как руки немотой болят,
Как дым, чернее мартобря,
Клубится над трубой.

Как кадр забытого кино...
С.З.

Кадр первый

Плесни болотного вина
В свои оленьи дни -
И, высунувшись из окна,
Паленых книг глотни.

Чтобы острог заворожить
Рассказом у костра,
Как жизнь в олений бег вложил
Щегла бушлатный брат.

Д е к а б рь с к и й складень

1

Завиден жребий, что не выпал,
И та цикута, что не выцвил,
 Мертвит другого мудреца.
И тот узор, что не сложился,
И долгий снег, что не кружился,
 Достойны твоего лица.
И камни, что не стали хлебом,
И куст, не вспыхнувший нелепо...
 Тобой не явленная суть
Лежит, как звезд крутых огарок,
Как холод зимнего пожара,
 Как рифма в пальцах на весу.

2

Зима колченогой припрыжкой
Над городом выцветшим, книжным
На синие прутья нанижет
Свиданья на улицах ближних.

И в этом сплошном ожерелье
Под небом, оклеенным жестью,
Тебя наугад пожалеет
Печальное стихосложение.

Подхватит с надтреснутым жестом
В декабрьское пальцедрожанье,
В кофейное пальцекруженье
И успокоит по-женски.

Д л я м у ж с к о г о и ж е н с к о г о г о л о с о в

Заколотив свое жилье,
Давай затянем всяк свое.
Не им, а нам по-волчий выть,
И головы нам не сносить.

Ø

О н К тому моя первая проба
Обращается, мerule сломив,
Кто довольно любовником побыл,
Кто себя с волкодавом мирил.

О на Эта женщина небом задета.
Руки сдвоены. Только не дети
На чужие идут небеса,
Свои игры в песок побросав.

Х о р Ни мира, ни меры, ни мёда,
А время с оскаленной мордой,
Ночами стреляемый город
С поэзмей - точкой опоры.

Ни мира, ни мёда, ни меры,
А только под крышей химеры
И смерти, и смерти, и смерти...

С м е р т ь

Ходила синими глазами
И лоб тревожила собой,
Морщины ровные писала
И снегопад делала свой
Между тяжелую шинелью
И неприрученным вихром,
Встречая, не в глаза глядела,
А била в хриплое ведро.
И письма по снегам бросала,
Словам ненужным цену зная...
Она молчала между нами,
Блуждая мертвыми глазами.

Как кадр забытого кино...

Кадр последний

Вдоволь пробыл рассвет неприкаянным.
Обратился в трескучую явь.
Пилигримы, кудесники, карлики
На разводе в бушлатах стоят.

А поэзия пьет и бормочет
свое
С.З.

Черновик за окном, и рука за окном,
Все вокруг - куда ни взгляну
Век тяжелым вином поминают давно,
Благо всем есть кого помянуть...

Приглядится одно - и устроишь погром.
Дай я крепче тебя обниму,
Прокричу тебе в ухо и кину в метро,
Как набухшие руки сниму.

ПОД

Так и речи, как гной, все бегут ~~ни~~ окном,
Все маляют чужие листы.
А поэзия - пьет, и тяжелым вином
Поминает свой век и свой стыд.

Из цикла ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Т о р ж е с т в е н н о е в с т у п л е н и е

Живи, ребристый, многотрудный стих,
Где каждый стык полит обильным потом,
Где каждый слог я перетер руками,
Где каждый звук-зерно перекрестил.

Ложится в основанье храма камень,
Отвес свой ставит вифлеемский плотник.
О как сладка вода в его горсти!

Ч е т и р и д ц а т ы й г о д

Ветер нас ловит поротно
и отправляет в прорыв,
вязкая поступь пехоты
в небе осенней поры.

В небе, разбросанном чьей-то
горестной долгой рукой,
птичи и военные флейты
нас провожают с тобой.

Втоптаны в небо скучое
слава, свобода и честь.
Пристален, важен, спокоен
ворон сидит на плече.

Элегия первая
/Прогулка к морю/

Дождило, листопадило, темнело...
Оплаченнaya роскошью души -
словами -

осень не страшит
потерей равновесья,
которое случится вместе
с внезапным осени уходом.

Тело
приемлет колкое дрожанье.
колючих веток - достают до сердца.
Над заливом серым
свершилась птичья тризна.
А каменистый пляж с пьяничугой сирым,
здесь отпустившим /с миром/
себе грехи,
внезапною печалью поражает.
Впрочем, я еще не подошел к заливу...
Моя собака, чувствуя значение
происходящего,
заглядывает мне в глаза.
Мы не доходим двадцати шагов...

Элегия вторая

/с атрибутами города зимой/

Вот и кара Господня приспела
по морозцу со скрипом лихим,
отщепенское узкое тело
завернула в чужие стихи.

Беготня по граненым кварталам,
пережившим беспечную власть,
подворотни с намокшими ртами,
желтый свет без добра и тепла,

и нытье - я в нём радостно волен,
не сложилось - пришлось - привелось
повторенье - мечтанье - не боле.
Желтый свет за зеркальным стеклом.

Элегия третья

/После снотворного/

Как голубь с руки, так и я утолился от боли.
Не рушится небо, и плоть не бренчит моя больше.
Моя раболепная плоть, ты гордишься неяркой обновой.
Потеряно все, как же выжить крамольному слову?
Потеряна мера, и сыплется мера за мерой.
Попросим у Бога забвения, сна или смерти...

XXXXXXXXXX